

"Одесские катакомбы" Сценарий с комментарием

В одесском издательстве "Зодиак" подготовлена к выпуску новая книга Олега Губаря — комментированный и иллюстрированный сценарий историко-приключенческого фильма "Одесские катакомбы". В данный момент ведутся переговоры с известными московскими режиссерами об экранизации этого сценария. Предлагаем вниманию наших читателей комментарий, воссоздающий исторические реалии Одессы образца 1871-1873 годов, на основании которых и написана эта книга.

Комментарий

В 1874 году в Санкт-Петербурге была издана авантюрно-приключенческая мелодрама В. Правдина "Одесские катакомбы". Книга очень скоро появилась в Одессе, раскупалась нарасхват и наделала много шума ("Одесский вестник" от 9 и 25 октября 1874 года, 2 июля 1875 года и др.). В чем же причина того, что откровенно слабый роман, дилетантское подражание знаменитым "Парижским тайнам" Эжена Сю и "Петербургским трущобам" Всеволода Крестовского, вдруг сделался бестселлером, причем в городе хотя и преимущественно мещанском, однако ж одним из самых читающих в Российской империи? Мало того, книга заинтересовала даже немало столичных книголюбов, не говоря уже о провинциальных.

Причин несколько. Прежде всего, конечно, разнообразная, на любой вкус, экзотика. С пушкинских времен наслышанная об этнически пестрой, пряной, не вполне российской Южной Пальмире, читающая публика и не подозревала о наличии в ней еще и загадочного "подвального этажа" — протяженных подземных выработках, габаритами значительно превосходящих широко разрекламированные парижские и римские катакомбы. К тому же мрачные подземелья эти, как оказалось, кишмя кишели преступным элементом, прибравшим благодаря своим агентам во всех социальных институтах и верхние, наземные, этажи, по существу, весь город. Можно смело утверждать: книга сделала катакомбы одним из перво-степенных одесских брендов на долгие времена.

В последующие годы появились многочисленные подражания уже самому В. Правдину — и, между прочим, того именно П.А. Гроссула-Толстого ("Одесские тайны", 1885), редактора "Новороссийских ведомостей", коего автор "Одесских катакомб" вывел под именем толстяка Бросулова. Но дело

не только в экзотике ретроспективной "мыльной оперы" — с традиционными переодеваниями и перелицовкой персонажей, пылким воссоединением семей после 30-летней разлуки, сюжетами о невольничьих рынках и гаремах в духе "Анжелики", томных до упаду красавицах, похищениях невест и опереточных злодеях, то и дело разражающихся сатанинским хохотом, и проч. Читатель одесский сразу приметил отменное знание никому не известным дотоле В. Правдиным всех без исключения местных реалий, каковых он касается. Идет ли речь о топографии и топонимии самого города, его рельефе, административных структурах, хлеботорговле, достопримечательностях, домовладельцах, расположении каменоломен, криминальной хронике и т. д., он везде проявляет удивительную осведомленность.

Самое пикантное — в романе запросто узнаваемы многие персонажи, фамилии которых легко прочитываются в прозрачных псевдонимах, а то и вообще упоминаются в оригинале. И что это за люди! Городской голова, известнейшие думцы, банкиры, предприниматели, издатели, в большинстве своем представленные как бы негативной карикатурой. После подобного "разоблачения", что называется, загорелись шапки. Книгу рьяно охавали во всех местных СМИ и, несомненно, было за что. Но все же журналисты нет-нет, да и роняли фразу о некоей доле истины, содержащейся даже в этакой "грязной луже" ("Одесский вестник" от 3 ноября 1874 года). Через год с небольшим роман переделали в драму, и в Одессе было дано два спектакля при полном аншлаге: явственно ощущался скандальный привкус ("Новороссийский телеграф" от 25 января 1876 года). Премьера "драмы в пяти действиях" состоялась 21-го, а следующий спектакль — 24 января 1876 года в Русском театре ("Одесский вестник" от 17 января, "Новороссийский телеграф" от 21 и 24 января 1876 года).

В 1885-1890 годах, как было сказано, появилось несколько книг и брошюр-подражаний (в том числе — "Подземная Одесса 25 лет назад" Ф. Иванова, 1890), а в 1900-м, то есть через 26 лет после первой публикации (!) автор дважды переиздал свой роман, причем снова в столице. Оба переиздания, что показательно, назывались "Одесские трущобы", как бы отсылая к популярной книге Крестовского. В одном из переизданий — подзаголовок "Подземный город", в другом — "Граф Брендостели" ("Каталог Одесской городской публичной библиотеки", т. 1, 1901; сами книги в фондах библиотеки не сохранились). И снова, несмотря на все, книжки мгновенно разошлись, и на сегодняшний день сделались библиографической редкостью. Наконец, уже в начале 1910-х роман Правдина экранизировали ("Одесская почта" от 8 сентября 1913 года и др.).

Кто был автором сценической версии, в точности не известно. В одном из газетных анонсов спектакля указано лишь, что это кишиневский житель ("Новороссийский телеграф" от 9 января 1876 года), а в другом уточняется, что это некий "доктор И." ("Новороссийский телеграф" от 14 января 1876 года). Знаменательно, что в период подготовки этой постановки в Одессу из Санкт-Петербурга приезжал и сам автор "Одесских катакомб" ("Одесский вестник" от 19 ноября 1875 года).

Сценарий театрального варианта не сохранился и, судя по отзывам прессы ("Новороссийский телеграф" от 29 января 1876 года и др.), жалеть об этом особо не приходится. Тем не менее, лично я печалюсь о такой потере, поскольку переделка явно осуществлялась под надзором или при участии самого автора. А стало быть, мы могли бы иметь какую-то дополнительную информацию сверх имеющейся непосредственно в романе. Так или иначе, я самонадеянно решил воспользоваться исходным текстом В. Правдина — написать свой сценарий "Одесских катакомб", очень и очень приблизительно используя кое-какие его сюжетные линии, а больше эксплуатируя собственные эрудицию и фантазию. Думаю, что имею на это некоторое право, поскольку иезуитски скрупулезно занимаюсь историко-бытовой проблематикой уже более трех десятилетий.

При написании преследовалось и выполнялось одновременно несколько задач. Во-первых, историко-бытовой фон максимально приближен к реальному на основании всех имеющихся исторических первоисточников. Во-вторых, в этом варианте более рельефно проявляется личность самого В. Правдина, разложенная на двух сценических персонажей. В-третьих, с моей отстраненной позиции легче непредвзято оценивать реальные ретроспективные события. Наконец, дозированность мелодраматической составляющей и иронического фарса, их чередование — на пользу качеству и динамике текста, а равно — современному его потребителю.

В сочетании с настоящим комментарием этот новый текст представляется занимательным первоисточником о быте и нравах Одессы конца третьей четверти XIX столетия. Тем более что подлинным автором исходного романа был не кто иной, как В.М. Антонов — бывший одесский городской полицмейстер ("Новороссийский календарь на 1872 год", Одесса, 1871; "Новороссийский календарь на 1873 год", Одесса, 1872), длительное время находившийся под следствием за якобы служебные злоупотребления. На самом деле пришлый правдолюбец — человек честный, прямолинейный, добрый, но вспыльчивый, к тому же по-русски косный, с определенными и довольно устойчивыми великодержавными преду-

беждениями — категорически не вписался в специфический контекст совершенно нетипичного для России, поистине средиземноморского города.

Антонову был не по нраву полиэтничный, левантийский уклад, "торгашеский дух" Одессы, которую он порой воспринимал неадекватно, гипертрофированно. Он не был готов к неторопливой, последовательной, кропотливой и деликатной работе. Его, собственно говоря, и прислали из Петербурга после известного еврейского погрома 1871 года (Олег Губарь, "Весы и меры старой Одессы", Одесса: "Мигдаль", 2005, сс. 3-21) наводить порядок автократическими, тоталитарными методами. Новому полицмейстеру недоставало гибкости, дипломатичности, знания местных традиций. Развернув масштабную и, как ему казалось, бескомпромиссную борьбу с криминалитетом, коррупцией и тем, что принято теперь называть мафиозными кланами, он порой выказывал нетерпение, волонтеризм, рубил с плеча. В результате рассорился со многими влиятельными горожанами, в том числе, конечно, и с настоящими казнокрадами и нарушителями закона, нажил много врагов, был оклеветан, необоснованно обвинен во взяточничестве, прочих прегрешениях и выдавлен из Одессы. Сейчас бы выразились столь же просто, сколь и вульгарно: полицмейстера подставили. Впрочем, отчасти в этом повинен и он сам, точнее, его чересчур эмоциональная натура.

"Одесские катакомбы" — специфическая метафора — всплеск эмоций оскорбленного человека, в какой-то степени его месть коррумпированной, погрязшей в пороках "приморской Гоморре", своеобразная сатисфакция. Впрочем, мы теперь в состоянии разделить мух и котлеты, эмоции и факты, реальных и вымышленных героев, колорит фактический и фантастический, придуманный и живой город.

Несколько слов о реальных событиях, связанных с удалением Антонова из Одессы. Суть дела, в первую очередь, заключалась в изменении новым полицмейстером технологии полицейского надзора за проституцией и домами терпимости. Прежде выдачей так называемых желтых билетов занимались участковые приставы, а затем таковая перешла в ведение городского управления полиции ("Одесский вестник" от 18 июня 1872 года). То есть многие чины на местах лишились изрядной доли незаконных доходов. Выдача медицинских билетов и свидетельств содержательницам соответствующих заведений сконцентрировалось в руках коллежского регистратора Болотова, каковому Антонов безгранично доверял ("Одесский вестник" от 30, 31 октября, 1 ноября 1873 года и др.). Желая косвенно скомпрометировать полицмейстера, определенные круги сфабрикова-

ли дело, обвиняя Болотова в коррупции и притеснении особ, причастных к организации проституции.

На суде кое-кто из "обиженных" полицейских чиновников, "погибших, но милых созданий" и содержательниц домов терпимости занимались лжесвидетельством, утверждая, что Болотов незаконно и широко-масштабно взимал деньги за выдачу медицинских билетов, получал взятки от приставов и содержательниц "веселых домов", принуждал к поступлению в эти дома такую-то и такую-то даму и проч. Не исключено, конечно, что он и в самом деле получал какие-то мелкие дивиденды — это было тогда делом вполне обыденным. Но историю предумышленно раздули именно для того, чтобы бросить тень на Антонова, ибо у обывателей должно было сложиться впечатление, будто Болотов делился со своим покровителем. И даже однозначные уверения свидетелей о том, что Антонов был не в курсе дела, работали против полицмейстера, поскольку как это в таком случае главный страж порядка не видит безобразия, творящегося под самым его носом? Относительно мягкий приговор 16-ти присяжных Болотову — ссылка на два года в Тобольскую губернию — говорит о том, что вина его весьма сомнительна. Хотя определенная заслуга в достижении позитивного результата, несомненно, может быть зачтена и адвокату, присяжному поверенному, впоследствии известному думцу Якову Исаевичу Вейнбергу. Тем не менее, интрига сработала, Антонов сам подал в отставку, распродал кое-что из принадлежавших ему вещей ("Одесский вестник" от 14 февраля 1873 года и др.) и уехал в Петербург.

Характерен газетный комментарий "Дела Болотова" и всей истории. И если уж тогдашняя подцензурная пресса не убоялась расстлать столь отвратительно грязное белье полицейских чиновников, можно себе представить, как скверно обстояли реальные дела. "В Одессе считается до 52 домов терпимости... Вот почему Антонов... прежде всего обратил внимание на установление системы надзора за проституцией. От его юркого глаза не могли укрыться злоупотребления... На основании этого... он предложил участковым приставам прекратить выдачу билетов проституткам и сосредоточить ее в управлении. Легко понять, что подобное распоряжение не могло быть по сердцу участковым приставам". Разумеется, продолжает автор комментария, прежняя децентрализация была им на руку. Назревал антагонизм участковых и управления. Приставы наняли подставных свидетелей. Так, фигурирующая в процессе свидетельница Милютинина — интимная подруга двух немалых полицейских чинов ("Одесский вестник" от 3 ноября 1873 года).

Желая раз навсегда покончить с коррупцией в полиции, Антонов прибегнул к невиданной чистке ее рядов, причем дошел до того, что выписал из столицы 100 тамошних полицейских чинов с незапятнанной репутацией для замещения в Одессе должностей околоточных, городских и др. ("Одесский вестник" от 1 февраля, 27 мая 1872 года и др.); реально оттуда прибыло 56 человек, из которых к июлю 1873 года в штате осталось только шесть ("Одесский вестник" от 27 и 29 марта 1874 года). Он стал активно препятствовать перекупке хлеба, по сути — рэкету на въезде в пределы градоначальства, способствовал учреждению технико-полицейского надзора за катакомбами ("Одесский вестник" от 10 февраля 1872 года) и т. д. Все это усугубило и без того негативное отношение к "новой метле" не только тайного и явного криминалитета, но и большинства подчиненных "городового полицмейстера", его коррумпированных коллег. Исход дела был предопределен.

Не стану приводить чудовищно гадкие, прямо скажем, подробности личной жизни и быта очень многих обитателей старой Одессы. Поразительно другое — как здорово напоминает этот давний сюжет нынешние криминальные телесериалы! Ознакомившись с публикуемым вариантом "Одесских катакомб", вы удивитесь тому, что за 130 с лишним лет ровно ничего не изменилось в нашем благословенном городе. Впрочем, и тогда, как и теперь, были в нем достойные люди — одесситы, для которых слова *совесть* и *честь* — не пустой звук.

Остается указать прототипы некоторых персонажей. Полицеймейстер Чернов и следователь Карачаев — сам автор, Антонов, как бы двуликий Янус. Врач Розен — реальная фигура, правда, на самом деле он был не немцем, а евреем. Де Борзей — определенно предприниматель Де Азарт, причастный к целому ряду проектов благоустройства. Бросулов — редактор "Новороссийских ведомостей" Гроссул-Толстой. Харин — небезызвестный предприниматель и общественный деятель Хари. Банкир Штейн — судя по всему, крупный предприниматель и думец Бернштейн. Кофвилль — образ собирательный, в котором просматриваются черты одного из строителей водопровода Вильгельма Швабена и одновременно некоторых думцев, получавших от него взятки. Кучинский — участковый пристав Бучинский. Проданаки — полицмейстер Минчиаки, сменивший Антонова и вступивший в должность 7 февраля 1873 года ("Одесский вестник" от 10 февраля 1876 года). Фортацци — купец первой гильдии Федор Кортацци, брат бывшего городского головы и английского консула Джеймса Кортацци, как и Антонов, павшего жертвой интриг. Полодузов — из-

вестный предприниматель и думец болгарского происхождения Палазов. Гермаген Пацали — реальное лицо, содержатель заведения "Суэцкий канал" (бывший "Гамбринус", и это было первое трактирное заведение с подобным названием в Одессе, явившееся задолго до воспетого Куприным), правда, на самом деле его звали Герасим. Коколова, остальные держательницы "веселых домов" и все "погибшие, но милые создания" — реальные лица. Болотов — как было сказано, тоже реальное лицо, как и его предшественник Трофимов, секретари управления городской полиции. "Метресса Страхова" — образ явно собирательный, однако определенно несет в себе какие-то черты увядающей Ариадны Папудовой. Данилкин — реальный фигурант уголовного дела, убитый в катакомбах. Любашов — одессит, подвергшийся разбойному нападению на Польском спуске.

Все, что касается городской топонимии, имен домовладельцев и быта в целом, исторически абсолютно достоверно, в том числе названия улиц, площадей, гостиниц, трактиров, ресторанов, кофеен и др., "именные" здания и катакомбы — Бирюкова, Микулича, Пишона, Роннеса, Институтская, Михайловская, Бярятинская и др. Эпизоды "экспорта женщин" через Одессу тоже совершенно реальны: по оному факту в 1860-1890-е годы заведен целый ряд уголовных дел, причем некоторые работорговцы были изблечены и осуждены ("Одесский вестник" от 2 марта 1872 года, 20 ноября 1873 года, 24 мая и 7 сентября 1874 года и др.). Исторически достоверны факты наличия представительных криминальных сообществ, разбойничьей перекупки хлеба и рэкета на подступах к Одесскому градоначальству, злоупотреблений мерщиков, спаивания партнеров при заключении сделок, корчемства, контрабанды, масштабной скупки краденого, как и факты лоббирования отдельными думцами невыгодных для города, но выгодных лично им проектов и др. Короче говоря, все эти сюжеты, к несчастью, и поныне катастрофически актуальны...

Надеемся, "Одесские катакомбы" — книга и фильм — скоро станут общедоступны.

